

Татьяна Устинова — первая среди лучших!

Читайте детективные романы:

Мой личный враг
Большое зло и мелкие пакости
Хроника гнусных времен
Одна тень на двоих
Подруга особого назначения
Развод и девичья фамилия
Персональный ангел
Пороки и их поклонники
Миф об идеальном мужчине
Мой генерал
Первое правило королевы
Седьмое небо
Запасной инстинкт
Богиня прайм-тайма
Олигарх с Большой Медведицы
Близкие люди
Закон обратного волшебства
Дом-фантом в приданое
Саквояж со светлым будущим
Пять шагов по облакам
Гений пустого места
Отель последней надежды
Колодец забытых желаний
От первого до последнего слова
Жизнь, по слухам, одна!
Там, где нас нет
Третий четверг ноября
Тверская, 8
На одном дыхании!
Всегда говори «Всегда»
С небес на землю
Неразрезанные страницы
Один день, одна ночь
Сразу после сотворения мира
Где-то на краю света
Сто лет пути
Ковчег Марка
Чудны дела твои, Господи!
Шекспир мне друг, но истина дороже
Вселенский заговор
Вечное свидание
Ждите неожиданного
Селфи с судьбой
Земное притяжение
Призрак Канта
Звезды и Лисы

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Татьяна
УСТИНОВА

Призрак

Канта

МОСКВА

2 0 1 9

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Оформление серии *А. Старикова*

Под редакцией *О. Рубис*

Устинова, Татьяна Витальевна.
У80 **Призрак Канта : [роман] / Татьяна Устинова.** — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-100379-1

Приключения начинаются, как только Василий Меркурьев приезжает в отпуск в небольшой отель на взморье. Хозяин знакомит его с постояльцами, среди которых... молодая ведьма. Меркурьев, понимает, ни в каких ведьм не верит. И тут, словно в насмешку, окружающая действительность начинает шутить с ним странные шутки: старинную книгу о жизни философа Канта словно кто-то читает, огонь в камине загорается сам собой, а на заброшенном маяке происходит... убийство.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100379-1

© Устинова Т.В., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Разговаривали двое.

Голоса — тонкий и погуще — звучали взволнованно.

— Если дома не станет, — пищал один, — нас не станет тоже!.. Куда мы денемся? Мы не можем...

— Не можем, не можем! — передразнивал второй. — А что делать?! Что предпринять?..

— Раньше нужно было думать!

— О чём?! Ничего не должно было случиться! Триста лет и три года ничего не менялось, а тут такое!..

— Если бы пораньше, если бы сразу, — сокрушался писклявый, — мы бы подготовились! Что угодно можно отдать, лишь бы время вернуть!

— Пустая болтовня! Что отдать?! Да и что мы можем сделать, отравы ему подмешать?

— Да хоть бы отравы, — воинственно пищал первый. — За этот дом ничего не жалко.

Собеседники помолчали.

— А если не жалко, — осторожно начал второй, — то я тут кое-что измыслил.

— Что, что?..

— Погоди, расскажу. Нам же не просто так!.. Нам

надо, чтобы никто, ни одна живая душа не заподозрила, что мы в этом... замешаны.

— Это да, это чистая правда.

— Так вот. Мы сделаем всё чужими руками.

— А как, как?..

— Да погоди ты!.. Надобно всё обставить так, словно нас нет и не было.

Первый тоненько захихикал:

— Так нас ведь и вправду нет. А были, нет ли... Какая уж теперь разница!

Василий Васильевич Меркурьев из окна машины смотрел, как ноябрьская Балтика катит тяжёлые, ртутные, волны — до самого горизонта, до неба. Песчаные пляжи залиты серым дождём. Должно быть, летом этот песок бывает весёлым, солнечным, горячим!.. Должно быть, на нём приятно валяться и ходить, загребая его босыми ногами. Сейчас он был весь исхлёстан дождём и ветром, и трудно вообразить, что на этих берегах возможны лето и солнце.

Василий Васильевич вздохнул.

Дорога всё время шла по берегу моря, лишь иногда разросшиеся деревья скрывали его от глаз, но гул — тревожный, неумолчный гул осеннего моря — никуда не исчезал, заполнял собой весь мир, и в голове у Василия Васильевича тоже шумело море.

— В первый раз у нас? — спросил водитель, поглядывая на пассажира в зеркало заднего вида. — Время уж больно неподходящее для отпускников-то!..

— Не первый, — сказал Меркурьев. — Я каждый год тут.

— И всё в ноябре?.. — удивился водитель.

— Осенью, да, — подтвердил пассажир. — Я летом отпуск не беру.

— Чего это?!

Пассажир опять уставился в окно.

— Я работаю в Бухаре на газовой станции. Газопровод через пустыню тянем, — пояснил он. — Так от жары этой очокуриться можно, веришь, нет?.. Как в апреле начинается каждый день сорок градусов, так жарит до октября. И ни одного дождя! В октябре двадцать пять, это уже подарок судьбы! Поэтому я в отпуск только по осени и только на холодное море езжу, отдохнуть малость.

— Да, — сказал водитель с сочувствием, — тогда понятно. Ну, у нас тут дожди каждый день, наслаждайся!..

Бухарец кивнул.

— А чего в глухомань такую? Твоя гостиница — это ж дыра захолустная!.. Полтора часа едем, никак не доедем. Вроде нефтяники — народ не бедный, можно себе позволить!..

— Да какой я нефтяник? — возразил бухарец. — Я инженер на газопроводе!

— И чего? Нормальную гостиницу не мог снять, вон хоть в Светлогорске! Там по крайней мере культурно, есть где пивка попить, есть где пройтись с барышней под ручку. Чего тебя в самый глухой угол-то несёт?..

Василий Васильевич опять вздохнул. Оправдываться перед водителем ему не хотелось, но он чувствовал, что... должен.

— Я картинки в интернете посмотрел, мне понравилось, — сказал он. — И море прямо под окнами, и маяк, и буковая роща.

— Маяк не действует уже сто лет.

— Так ведь и я не пароход! Какая мне разница, действует, не действует!.. Главное — красиво.

— Красоту, значит, любишь, — заключил водитель.
— Люблю красоту, — покаялся Василий Васильевич. — И пустыня надоела. Хочу, чтоб море и лес. И дождь.

Водитель покрутил головой — чудно!

— Ну, получай свой лес и дождь. Вон гостиница твоя.

Трёхэтажный, узкий, как готический собор, старый немецкий дом с двумя круглыми башенками и черепичной крышей почти терялся на фоне буйных красок осеннего леса. К нему вела узкая дорожка, засыпанная красным гравием. Дорожка петляла по лугу, обходя ручей, и у самой решётки пересекала его по горбатому каменному мостику. Ворота стояли настежь, и похоже было, что они никогда не закрываются.

— Посёлок с той стороны, — продолжал водитель. — На тот случай, если в лесу сидеть надоест!.. Там и кафешка есть, и ресторан «Беккер» приличный, и продовольственный — водочки взять.

Василий Васильевич смотрел в окно и кивал.

— Остановка автобусная в километре, можно и до Калининграда доехать. А хочешь, меня вызывай, я тебе телефончик оставлю! Слышь, бурильщик?

— Оставь, — согласился Меркурьев.

Шурша шинами по красному гравию, машина подъехала к островерхому дому и остановилась. Водитель заглушил мотор, и сразу стало слышно, как дождь барабанит по крыше, как шумит лес, и гул моря тоже надвинулся, словно расширился.

Василий Васильевич вылез из салона, накинул капюшон и выудил из заднего кармана джинсов кошелек. Водитель уже поставил под чугунный козырёк две его сумки.

— Ну, бывай, бурильщик! Соскучишься, звони, не стесняйся! Покатаю!..

Василию Васильевичу хотелось, чтоб он поскорее уехал.

— День добрый, — пробасили у него за спиной, и бабахнула тяжёлая дверь. — Мы вас ожидаем. Самолёт опоздал?

— Ехали долго, — Меркурьев повернулся.

Крепкий краснолицый старик в вельветовых брюках и твидовой куртке с кожаными заплатами на локтях протягивал руку, вид у него был приветливый.

— Виктор Захарович, хозяин гостиницы. Вы, стало быть, мой гость. Добро пожаловать.

— Меркурьев Василий Васильевич. — Гость тоже протянул руку. Твидовая куртка и вельветовые брюки его поразили — хозяин выглядел точь-в-точь как английский помещик. — Из Бухары.

— Живёте там?

— Работаю. Уже два года.

— Ну, расскажете, — неожиданно заключил хозяин. — Пойдёмте под крышу, холодно сегодня. Того гляди, снег пойдёт.

И взялся за сумки.

— Да я сам!..

Одну сумку Меркурьев отбил, а вторая осталась у старика, который всё повторял, что обслуживание у них на высоте.

Двойная тяжёлая дверь открывалась в вестибюль, где было полутемно из-за деревянных стенных панелей и закопчённых балок на потолке. Возле единственного узкого и высокого окна с витражом помещались два кресла и столик, на столике лежали какие-то журналы и книжка страницами вниз. Широкая чугунная лестница

с поворотом вела на второй этаж, под лестницей стояла цветочная подставка, в ней разноцветный лохматый букет — астры. По левой стене зияла огромная пасть камина с наборной полкой разноцветного мрамора. Василий Васильевич вновь удивился — как и твидовой куртке. Он никогда не видал каминов в прихожих!..

Лестница неожиданно загудела, вздрогнула, и по чугунным ступенькам скатилась девица. И гость, и хозяин, задрав головы, уставились на неё.

Красивая девушка, подумал Меркурьев.

— Виктор Захарович, — закричала девица. — Интернета опять нет! Что такое, а?

— Должен быть, Кристина.

— Должен, а нету!.. Где Стас?

Хозяин подтолкнул Меркурьева к лестнице.

— Познакомьтесь, молодые люди. Кристина, это Василий Меркурьев, приехал к нам погостить из Бухары.

Девица уставилась на гостя. Глаза у неё были тёмные и любопытные, как у мыши.

— А Кристиночка здесь, в Калининграде учится в университете. Будущий историк!..

— Фу, как вы скучно говорите, Виктор Захарович! — фыркнула девица и с лестницы протянула Меркурьеву руку, как для поцелуя. Он подошёл и осторожно её пожал, удивившись перстню. На безымянном пальце у девицы было диковинное кольцо с огромным зелёным камнем. — А что вы там делаете, в Бухаре? Работаете в медресе?

— На газопроводе, — сказал Меркурьев и отступил от лестницы на безопасное расстояние. Девица показалась ему очень бойкой.

— Все, кто работает на газопроводе, — провозгласи-

ла девица, — должны отдыхать в казино Монте-Карло! А интернета нету, Виктор Захарович! И Стаса тоже нет?

— Я точно не знаю, Кристиночка, но, по-моему, он катается на велосипеде.

— В такую дождину?! — ужаснулась Кристиночка. — Ну, бог ему судья. Тогда я сервер сама посмотрю. Может, его просто перезагрузить надо. А?..

— Сколько хотите, — разрешил хозяин. — Пойдёмте, Василий Васильевич, провожу вас в комнату.

Узкий коридор привёл их в просторную гостиную, окнами смотревшую на море. Стеклопакетные двери с чугунными запорами выходили на залитую дождём лужайку. Меркурьев подошёл и посмотрел. Слева был мокрый буквый лес, о котором он так мечтал в пустыне, справа, далеко на мысу, старый маяк. Волны подкатывали к самому его подножию, выхлёстывали вверх, почти до стен, отступали, собираясь с силами, и снова накатывали.

— Здесь можно выйти к морю, — сказал хозяин и подвигал чугунную задвижку. — Мы двери на зиму не запираем. Да вы не думайте! У нас тоже погодка бывает прекрасная, не то что сейчас.

— Сейчас как раз прекрасно, — пробормотал Меркурьев.

Створка распахнулась, ворвался солёный и плотный ветер, отбросил лёгкую занавеску, растрепал волосы.

— Шу-уф, — очень близко сказало море. — Шу-уф!..

Меркурьев зажмурился.

— По пляжу променад идёт, — продолжал Виктор Захарович, закрывая дверь. — Пять километров, для прогулок отличнейше!.. Мимо маяка и дальше, к посёлку. Вы непременно воспользуйтесь, Василий Васильевич. Ну, здесь у нас завтраки, — хозяин распахнул дверь в следующую комнату.

Меркурьев заглянул.

Тут стояли столы, четыре или пять, все разные и потому интересные, старинные кресла, лампы с фарфоровыми пастушками и охотничьими собаками, буфет, на нём тарелки, за резными стёклами бутылки и хрусталь. На отдельном столике — кофемашина, новенькая, сверкающая, самодовольная. Меркурьеву немедленно захотелось кофе.

— Это всегда пожалуйста, — проговорил хозяин. — В смысле кофейку попить!.. Приходите в любой момент, мы за это денег не берём. А завтрак каждый день с семи до одиннадцати часов. Обед с часу до трёх, а ужинаем с семи.

— То, что нужно, — одобрил Меркурьев.

— Там библиотека, вы сами заглянете. Это дело небystрое — книги смотреть. Небольшая, но вполне приемлемая. Ещё отец мой в своё время начал собирать, а я продолжил. А вам сюда. По этой лестнице на второй этаж.

«Эта» лестница оказалась деревянной, со скрипом, как положено. Истоптанные ступени были широкими, пологими, перила отполированы, начищены медные завитки.

— Нинель Федоровна старается, — заметил Виктор Захарович, когда Меркурьев сказал, что дом у него превосходный. — Её усилиями и молитвами держимся. Она здесь всем хозяйством управляет, никому спуска не даёт!.. Если б не она, давно бы дом развалился.

Меркурьев не понял, всерьёз говорит хозяин или нет.

В коридоре на втором этаже было всего три или четыре двери. Виктор Захарович отпер ближайшую, пропустил Меркурьева вперёд, зашёл и поставил сумку.

Василий Васильевич тоже скинул с плеча надоевшую ношу, вошёл и огляделся.

Комната оказалась большой — ничего подобного гость не ожидал. Одним окном она смотрела на лес, а двумя другими — на море. На море выходила и балконная дверь. Пол был деревянный, ничем не застланный, только небольшой коврик перед камином.

— Если совсем похолодает, затопим, — сказал про камин Виктор Захарович. — Вот здесь рукоятка, видите? Это заслонка. На себя — открыть, от себя — закрыть. Если замёрзнете, закроете. Дует из него, из камина, сильно. Так раньше строили!..

Меркурьев кивнул.

— Ну, располагайтесь, располагайтесь!.. Народу у нас немного, живём мы дружно, я вас со всеми познакомлю.

Должно быть, Василий Васильевич слегка дрогнул лицом, потому что хозяин засмеялся и похлопал его по плечу.

— Живём, — повторил он, — но друг дружке стараемся не мешать! Вот только сейчас спиритические сеансы практикуем, а так...

— Что такое?..

Хозяин махнул рукой.

— Сами всё увидите. Велосипеды, если хотите кататься, в подвале. Скажете, я достану. Отдыхайте.

Вышел и аккуратно прикрыл за собой дверь.

Василий Васильевич прислушался.

Ничего не было слышно за толстыми стенами старого дома, да и море шумело прямо за окном — шу-уф! Шу-уф!..

Первым делом он в разные стороны отдёрнул шторы — сразу стало светлее, — открыл дверь на балкон и вышел.

Дождь перешёл в мелкую морось, и непонятно было, сыплется эта морось с небес или летит от волн. Ветер немного улётся, и буковый лес шелестел спокойно, легко. Внизу по деревянным доскам настила кто-то шёл — в длинном плаще и островерхом капюшоне, Меркурьев подумал рассеянно: должно быть, монах из близлежащего монастыря отправился на пристань встречать рыбацкую лодку. Или таможенную!.. Может, настоятель велел передать письмо для епископа.

И засмеялся с удовольствием.

Монах, епископ, таможенная лодка под дождём, ныряющая носом в волну, — всё это так легко и приятно придумывать в старом немецком доме на взморье!

Какие же тут ещё гости, о которых Виктор Захарович сказал, что они — дружные?.. Кто ещё здесь наслаждается холодом и ненастьем?..

Островерхая тень исчезла из виду, и снова никого.

Нужно будет непременно сходить на маяк. И в лес!.. Наверняка в траве и опавших листьях ещё можно разыскать увесистые, крепкие осенние грибы!..

Обеими руками он стяхнул влагу с волос, зашёл в комнату и плюхнулся в кресло. Дверь на балкон закрывать не стал, с наслаждением вытянул ноги, один о другой стащил кроссовки, повозился немного и закрыл глаза.

Перелёты всегда давались ему с трудом. Спать в самолётах он не мог, сильно уставал, мечтал побыстрее добраться.

На паспортном контроле в Бухаре он проторчал часа полтора — среди полосатых тюков, ящиков, замотанных плёнкой баулов и громогласных людей, обливающихся потом. Дети и женщины в отдельной очереди — как положено на Востоке — кричали и гомонили, мужчин из

его очереди всех пропустили, а Меркурьев застрял. Он всегда застревал на этом проклятом контроле!.. Усатый пограничник сначала в одиночку, а потом, призвав на помощь сотоварищей, всё что-то искал в его ноутбуке, телефоне, паспорте.

— Запрещённое везёшь? — спрашивал по очереди каждый из стражей, Меркурьев честно отвечал, что ничего запрещённого у него нет, но они не отвязались, пока не открыли и не просмотрели все папки, все файлы с фотографиями и даже книжку Богомолова «Момент истины», скачанную из интернета.

Почему-то книжку смотрели особенно тщательно, чуть не каждую страницу.

Меркурьев знал, что ищут они «порнографию» — сколько раз он летал, столько раз искали!..

От поисков «порнографии» Василий Васильевич совершенно изнемог, но на борту всё равно не спал. Попутчики, объединившись с женщинами и детьми, шумели и кричали по-узбекски, хохотали и переговаривались из одного конца салона в другой.

Потом переезд из Внукова в Шереметьево, снова самолёт, и вот, наконец, — можно открыть дверь в осень, вытянуть ноги, дремать, никуда не спешить и ни о чём не думать.

Ветер теребил штору, тихонько позвякивали деревянные кольца, море вздыхало, и время от времени шелестели деревья.

Хорошо бы накрыться. На диване лежало свёрнутое лоскутное одеяло, совершенно здесь неуместное, но Меркурьеву было лень вставать.

Кажется, он заснул и проснулся от того, что кто-то разговаривал совсем близко.